

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 378

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АРХИТЕКТониКИ КУЛЬТУРЫ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

д-р филос. наук, доц. Е.Э. ДРОБЫШЕВА
(Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

Сетевое общество рассматривается как логичный результат архитектурных трансформаций современной культуры как функциональной системы. Анализируются основные тенденции в развитии аксиосферы сетевой культуры, архитектурная устойчивость которой обеспечивается синергичностью структурного, динамического и смыслового горизонтов, где наблюдается реформирование способов их взаимодействия и, как следствие, смещение ценностных акцентов. На основе архитектурной парадигмы, которая позволяет проанализировать данный феномен, выводится утверждение, что сетевая культура – это одновременно логичный и внутренне противоречивый исторический этап; аксиосфера сетевого общества подвержена трансформационным тенденциям и является залогом устойчивого развития культуры как системы.

Введение. Сегодня все социальные науки – так или иначе – осмысливают феномен сетевого общества. Новый режим существования социума интересен для исследования в различных ракурсах – психологическом, социологическом, культурологическом. Нами данная проблема будет рассматриваться с позиций аксиологии. Анализируя ценностно-нормативную парадигму любой эпохи, можно проследить архетипически важные ее основания: соотношения личностного/коллективного, своего/чужого; роль, которую играют в данном обществе сакральные и властные элементы. В рамках аксиологического подхода раскрываются механизмы функционирования социальных структур памяти, соотношение традиций и новаций, гендерные и поколенческие аспекты бытия конкретного социокультурного образования, особенности языковых практик.

Основная часть. Архитектурно-культурно представляет собой взаимодействие нескольких горизонтов: структурно-морфологического, функционально-динамического и смыслообразующего. Универсальным базовым основанием культурной архитектуры выступают ценности, именно они обозначают место субъекта в данном пространстве и маркируют точки напряжения в топосе смыкания трех горизонтов. Каждому историческому типу культуры соответствует определенная конфигурация ее составляющих, способы самоопределения и репрезентации личности, художественные и гносеологические практики, рефлексивные и коммуникативные методы.

Сетевая культура, разворачивающаяся на наших глазах в виде совершенно определенного исторического конструкта, также может быть проанализирована в аксиологическом дискурсе. Ее архитектурно-культурная устойчивость обеспечивается синергичностью структурного, динамического и смыслового горизонтов, однако происходит реформирование способов их взаимодействия и, как следствие, смещение ценностных акцентов. Сетевой режим функционирования культуры как системы принципиально меняет ее облик, включая коммуникативную структуру, способы репрезентации идей, осуществления властных функций и даже мир рутинных, повседневных практик. Под сетевым режимом мы понимаем такой способ организации системы, при котором информация и способы ее передачи становятся структурообразующими факторами. Благодаря горизонтальной развертке, сетевой принцип организации обеспечивает бесконечное множество гиперссылок и, как следствие, продуцирует новые центры ценностного (а значит, и метафизического) напряжения. Тотальность традиционалистских иерархий уступает место вариативности взаимодействий самых различных по форме и содержанию структурных элементов культурной архитектуры.

Понятие «сеть» очень точно отражает специфику состояния актуальной социокультурной реальности. Фрактальная природа Сети как таковой снимает вопрос о монополии центра событийности и соответствующей рефлексивности:

- микшируются опознавательные сигналы в режиме «свой/чужой»;
- сдвигаются границы личностного и общественного, уникального и массового;
- изменяется восприятие пространства и времени.

Для сетевого режима характерны «сжатие» пространства (Д. Харвей) и «ускорение времени» (Э. Гидденс).

Ценности традиционалистской картины мира, в которой опыт и устойчивость были залогом успеха, уступают место ценностям инновативности, переживаемой как таковая только лишь в режиме «здесь и сейчас». Трансценция происходящих процессов не дает возможности погрузиться в реальность и осознать ее базовость и тотальность. «Поточное» сознание нивелирует ценности нуклеарной семьи, устойчивого круга друзей или поэтапной карьеры в рамках одного предприятия или вообще одной трудовой сферы. Вспомним сакраментальное советское выражение «у него была одна запись в трудовой книжке». Сегодня это сообщение вряд ли вызовет положительные коннотации, скорее наоборот.

С точки зрения М. Кастельса, новый тип общества предполагает конкурентоспособность не на основе жестких иерархий, а на основе сети – координации взаимодействия высокоавтономных единиц [1]. В таких условиях, когда человек отрывается от природных ограничителей и ориентиров, центральное значение имеет вопрос идентичности. Идентичность, как справедливо полагают исследователи, теперь должна формироваться не на естественных основаниях, а на информационных (поскольку информация, а не естественные процессы, становится основным содержанием жизни людей), т.е. созданных самими людьми – на основе проектов и программ [2].

Задача самоидентификации, которая является базовой для любого типа культуры, в сетевом обществе решается принципиально иначе: возможность существовать в Сети в формате нескольких параллельных «проектов себя» приводит к глобальным психологическим, эстетическим, нравственным перверсиям. Находясь в «нулевом топосе» (ведь пространственное местоположение здесь вообще непринципиально), пользователь одновременно может репрезентировать сразу несколько «Я», прячась за никами/аватарами. Играючи, он ведет сразу несколько диалогов в различных (зачастую диаметрально противоположных в аксиологическом плане) комьюнити.

Сегодня много говорят и пишут о рекарнализации как заметной тенденции современной жизни [3]. Маска – универсальный культурный артефакт и символ. Сетевые аватары выполняют совершенно очевидную функцию своеобразной саморепрезентации в духе детской приговорки: «Я – не я, и шляпа не моя». В абсурдистском Сетевом Зазеркалье искривляются этические и эстетические коды, символические феномены интерпретируются с учетом многопорядкового характера сетевого мировидения.

Причинно-следственные линейные связи в коммуникационном поле утратили свою очевидную действенность, аксиома про непересекающиеся прямые в данном пространстве выглядит, скорее, как вариант. В этой «полимагистральной структуре две точки всегда связываются множеством магистралей, а каждая магистраль состоит из множества отрезков и путей» [4], в итоге архитектурные соотношения типа «несущее-несомое» утрачивают жесткость и прочность. Материальные процессы начинают выполнять служебные функции по отношению к информативным, и несмотря на весьма убедительный вещественный антураж, соответствующий «веку потребления», мы вновь и вновь сомневаемся в том, что «бытие определяет сознание». Слову возвращается его структурирующая функция. Однако – вот ирония истории – реактуализированное Слово утратило сакральный смысл, оно обесценилось буквально и фигурально.

«Потоки сознания» захлестнули инфосферу, на наших глазах происходит микрореволюция в интернет-пространстве: полномасштабные посты в LiveJournal уступают в популярности лаконичным записям в Twitter, Facebook или ВКонтакте. Участники сетевой коммуникации в условиях переизбытка информации попросту не могут себе позволить тратить время на погружение в полноразмерный текст. «Твит-чирикание» в 140 символов как нельзя лучше отражает требования сетевой коммуникации как формы потребления. Легкость добычи и передачи информации, с одной стороны, существенно облегчает жизнь и расширяет познавательные возможности; с другой стороны, несет угрозу ценностно-нормативным устоям личностной и общественной жизни. Сама по себе Всемирная Паутина, как Небо в китайской культуре, абсолютна и внеоценочна. Равнодушно и всеядно она вмещает в себя неисчислимый объем данных и обладает непостижимым (даже для считающих себя хозяевами ситуации IT-специалистов) потенциалом.

Рассуждая о нарастающем вале информации, Ю. Хабермас задается вопросом: «Значит ли больше также и лучше или наоборот?» [5]. Думается, что по поводу критериев здесь нам договориться не удастся.

Универсальную ценностную парадигму, применимую к любому историческому типу культуры, мы предлагаем соотносить с четырьмя кантовскими вопросами о человеке:

- 1) Что я могу знать?
- 2) Что я должен делать?
- 3) На что я могу надеяться?
- 4) Что такое человек?

Более подробно эта проблематика была раскрыта нами в монографии «Архитектоника культуры: опыт культурфилософской рефлексии» [6]. Так, к примеру, первая группа ценностей – гносеологических –

в сетевом обществе характеризуется смещением акцентов от качества знания к его количеству, а также к скорости добывания информации. Это предопределяет множество социальных процессов, в частности косвенно влияет даже на гендерную ситуацию. Современный мужчина лишен характерной для традиционной культуры роли добытчика, в результате мы наблюдаем перенос его неизбывной страсти к добычанию в информационную сферу. Сегодняшние IT-шники/хакеры/геймеры – явные хозяева положения, это «новые варвары», штурмующие бастионы дряхлеющей традиционалистской системы. Эти «символические аналитики» (по терминологии Р. Райха) прямо и косвенно становятся центром любой деятельности.

По законам архитектоники культуры трансформации сегодня происходят одновременно во всех ее плоскостях и областях, сопровождаются выстраиванием сложных взаимодействий. Ценности труда/созидания/творчества претерпевают мощнейшие изменения в связи с нарастающей виртуализацией деятельностной сферы человеческого бытия. Сакрально-культурные практики, с одной стороны, испытывают прессинг насквозь технологизированной культуры, с другой – наращивают свой традиционалистский потенциал перед лицом глобализационных угроз. Отсюда – тенденции дауншифтинга и увлечения эзотерическими духовными практиками. Парадоксально, но ценность цивилизационных (в данном случае речь о технологиях) достижений не является очевидной – современный человек ощущает хрупкость своего бытия, невзирая на достижения научно-технической сферы. Апокалиптические ожидания находят свое отражение во всех продуктах массовой культуры, но наиболее эффективные, разумеется, в кинематографе. Конец Света в современной трактовке ожидаемо разворачивается в информационном пространстве. Что показательно – в последних сериях фильмов о супергероях в помощь Джеймсу Бонду и «крепкому орешку» Джону Макклейну сценаристы отрядили «ботаников»-компьютерщиков.

Сетевой режим существования социума кардинально меняет карту повседневности среднестатистического индивида. Обыденные практики актуальной культуры, как и другие формы существования человека, все стремительнее переходят в сетевой режим. Мы учимся и лечимся, развлекаемся и занимаемся спортом, путешествуем и покупаем все необходимое в сетевых предприятиях. Современный потребитель оказывается втянутым в «войну сетей» – крупные игроки рынка всех видов товаров бьются за покупателя, используя как символический инструментарий, так и вполне осязаемые приманки. Ритейлеры изошряются в способах удержания потребителя, причем процессы борьбы с прямыми конкурентами, играющими на том же поле, сопровождаются налаживанием перекрестных связей с предприятиями других областей социально-культурной сферы. Обладатели карт какой-либо сети магазинов автоматически становятся участниками процесса «переопыления» с сетями другого направления деятельности – из индустрии красоты, здоровья, развлечений.

Информация (уровень доступа к ней, ее сложность и объемы) становится критерием нового социального стратифицирования. В России социологи практически всерьез говорят о «партии Интернета» и «партии ТВ», поскольку источник получения информации действительно во многом предопределяет и отношение к ней, и ожидаемый формат отклика, и последующую поведенческую модель.

Исследователи предпринимают попытки актуальной социальной классификации в зависимости от активности использования информационных компьютерных технологий. Так, например, Д. Сулов и Ю. Царик предлагают выделять три группы: «инфобогачи, информационный средний класс и информационные бедняки» [2]. Билл Гейтс, Стив Джобс, Марк Цукерберг стали не просто олигархами и учредителями наиболее влиятельных мировых корпораций. Это – новые пассионарии, «иконы стиля», культуртрегеры, задающие новые параметры социокультурной реальности.

Условно говоря, Галактика Гуттенберга логично подготовила появление и расцвет Галактики Цукерберга. Социальные сети стали параллельным, а для некоторых – первичным по значимости полем для самореализации, актуальным «жизненным миром». Поколение Пепси логично сменилось i-Поколением – носителем соответствующего ценностно-нормативного сознания.

Заключение. Аксиосфера сетевого общества одновременно и подвержена трансформационным тенденциям, и является залогом устойчивости культуры как системы. В качестве иллюстрации на память приходит визуальный ряд из голливудского фильма «Война миров» – привычный мир буквально взламывается, и то, что выглядело опорами (как осязаемыми, так и не материальными), рассыпается.

Однако, как это ни парадоксально звучит в свете вышесказанного, именно символические формы культуры – прежде всего ценности и нормы – способны обеспечить целостность ее архитектонического единства. Нам кажется некорректным говорить о такой сложной системе, как культура, в категорически прогрессистской или катастрофической парадигме.

Сетевая культура – это одновременно логичный и внутренне противоречивый исторический этап. Архитектоническая парадигма позволяет проанализировать данный феномен наиболее релевантно. Как

верно отметил А.В. Назарчук, «несмотря на то, что социальные сети существовали всегда, проблема сетей и сетевого общества застала социальную науку врасплох» [4, с. 4].

На фоне выдвинутых концепций «технотронной эры» (З. Бжезинский), «постиндустриального общества» (Д. Белл), «информационного общества» (Э. Тоффлер) теория networksociety М. Кастельса существенно дополнила инструментарий современной социогуманитарной оптики. Представляется, что на этом исследовательском пути нам предстоит еще немало интересных поворотов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000.
2. Суслов, Д., Информационное общество / Д. Суслов, Ю. Царик // Интернет против телеэкрана: информационно-теоретическое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/comtop/1566>. – Дата доступа: 28.02.2013.
3. Тальнишних, Н.К. Культура «сетевых сообществ»: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Н.К. Тальнишних. – Ростов н/Д, 2004.
4. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61 – 75 .
5. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society, Polity / J. Habermas. – Cambridge, 2005.
6. Дробышева, Е.Э. Архитектоника культуры: опыт культурфилософской рефлексии / Е.Э. Дробышева. – СПб., 2008.

Поступила 15.02.2013

AXIOLOGICAL PARAMETERS OF CULTURAL ARCHITECTONICS OF THE “NETWORK SOCIETY”

E. DROBYSHEVA

The network society is considered as a logical result of architectonic transformations of the culture as a system. The main trends in the development of axiosphere of modern culture are analyzed, the architectonic stability of which is provided by synergy of structural, dynamic and conceptual horizons, where reformatting of the means of their interaction and displacement of value accents are observed. On the basis of architectonic paradigm, which allows to analyze the given phenomenon, it is stated that network culture is at the same time a logical and internally contradictory historical stage. The axiosphere of the network society is prone to transformational tendencies and is a guarantee of the stable development of culture as a system.